

Проблемы логики и методологии науки

ОНТОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

О.И. Елхова

Виртуальное время рассматривается как порядок и мера существования виртуальной реальности. Подчеркивается, что виртуальные события оказываются лишенными длительности, а виртуальная реальность представляется как ускользающее от окончательного оформления исчезающее существование. Темпоральность виртуальной реальности оказывается близкой к темпоральности мира *différance*, представленной в постмодернистской философии. Значимость образов прошлого в создании временной упорядоченности виртуальной реальности позволяет рассматривать ее как реализацию немарковских процессов.

Ключевые слова: виртуальная реальность, онтология, время виртуальной реальности, философия постмодерна, постнеклассическая научная рациональность, немарковские процессы

В современной философской литературе существует большое количество работ, посвященных проблеме времени. Казалось бы, имеются все предпосылки для того, чтобы считать время достаточно изученной формой бытия. Однако данная тема далеко не исчерпана и оставляет место для новых исследований. Это, в частности, определяется теми изменениями, которые происходят в научном знании, а также в социокультурной действительности. Наблюдается стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, которые, становясь неотъемлемой частью человеческого бытия, формируют собственную среду, с которой имеет дело человек, являются специфическим средством создания виртуальной реальности, носят преобразующий характер в отношении как ее участников, так и общества в целом. В постнеклассическом измерении происходит трансформация понятия реальности: она рассматривается уже не как одномерная и линейная, а как сложная, нелинейная. Под виртуальной же реальностью понимаются процессы взаимодействия, всецело не принадлежащие ни к сфере субъекта, ни к сфере объекта, устойчиво функционирующие, но не поддающиеся концептуальной репре-

зентации. Безусловно, виртуальная реальность за последние десятилетия подвергалась всестороннему изучению. Однако пока практически нет работ, посвященных проблематике виртуального времени, за исключением отдельных публикаций. Все вышесказанное свидетельствует об актуальности осмысления времени виртуальной реальности.

В истории философии можно наблюдать две крайние точки зрения на время: первая абсолютизирует время как длительность, вторая состоит в том, что время рассматривается как закон изменения явлений. Дж. Бруно, представляющий первую позицию, полагает, что подобно тому как общее пространство включает в себя частные пространства, так и общая длительность охватывает отдельные длительности, при этом под общей длительностью он подразумевает вечность [1]. Подобной же точки зрения придерживается Р. Декарт, он мыслит время как определенный способ понимания длительности: «...Время, которое мы отличаем от длительности, взятой вообще, и называем числом движения, есть лишь известный способ, каким мы эту длительность мыслим, ибо мы не предполагаем в вещах движущихся иного рода длительности, чем в неподвижных» [2]. Б. Спиноза в своем учении сводит понятие «длительность» к понятию «существование»: «Длительность есть неопределенная непрерывность существования...» [3]. И. Ньютон в работе «Математические начала натуральной философии», обобщая свойства механических процессов, также в качестве сущности времени рассматривает длительность. Согласно его субстанциональной концепции абсолютное время протекает равномерно и называется длительностью [4]. Отметим, что в представленных концепциях акцент делается в основном на количественной стороне времени, при этом его качественные аспекты остаются вне поля зрения мыслителей.

Обратимся к концепциям, связанным с рассмотрением времени как закона изменения явлений. Аристотель, анализируя природу времени, утверждает, что время органично связано с движением, хотя и не тождественно ему. Мыслитель полагает время числом движения: «Когда же есть прежде и после, тогда мы говорим о времени, ибо время есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему» [5]. Время, по Аристотелю, течет равномерно и непрерывно, поскольку «теперешнее время соприкасается как с прошедшим временем, так и с будущим». Время, считает Аристотель, и непрерывно через «теперь», и разделяется «теперь». Полагая время как число движения, Аристотель учитывает и момент покоя, при этом не вводя для покоя специального понятия длительности: «Так как время – мера движения, то

оно будет и мерой покоя, ибо всякий покой существует во времени. Не надо думать, что находящееся во времени так же необходимо движется, как и все находящееся в движении: ведь время не есть движение, а число движения, в числе же движения возможно быть и покоящемуся» [6]. Концепцию времени как закона движения в духе Аристотеля в Новое время развивает Лейбниц. Он видит во времени порядок следования явлений, закон изменения, закон смены состояний, при этом не признает время в качестве отдельной сущности и не отождествляет его с вечностью и длительностью. Так, Лейбниц заявляет: «Никак нельзя сказать, что некоторая длительность вечна; но можно сказать, что постоянно длящиеся вещи приобретают все новую и новую длительность» [7]. Таким образом, мыслитель отходит от чисто количественного понимания времени и акцентирует внимание на его качественной стороне.

Характерной особенностью рассмотренных концепций является подчеркивание лишь какого-то одного набора присущих времени свойств. Наряду с этим в истории философии были сделаны попытки синтетического рассмотрения соответствующих признаков в применении к понятию «время». Из существующих принципов методологического исследования времени отметим традицию выделения качественно устойчивых и количественно изменчивых характеристик времени. Такой позиции придерживались Я.Ф. Аскин [8], А.М. Мостепаненко [9], В.И. Свицерский [10], Р.Я. Штейнман [11], Ю.А. Урманцев [12]. Для нас важен сам подход, при котором свойства времени рассматриваются в их количественных и качественных проявлениях. Таким образом, в свете представленного мы в своем исследовании будем рассматривать виртуальное время как порядок и меру существования виртуальной реальности. Очевидно, что качественная характеристика временных отношений будет связана структурой и содержанием виртуального времени, а количественная характеристика – длительностью виртуального времени.

Приступая к анализу времени виртуальной реальности, прежде всего необходимо определиться с ее онтологическим статусом. Из множества работ, посвященных онтологии виртуальной реальности, отметим работу С.С. Хоружего «Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности» [13]. С точки зрения этого исследователя, представление о виртуальной реальности органично вписывается в концепцию онтологического энергетизма. Виртуальная реальность у него выступает в качестве недovyступившего, недорожденного бытия, характеризуется отсутствием тех или иных черт явлений обычной физической реальности. Рассматривая такое метрическое свойство времени,

как длительность, С.С. Хоружий подчеркивает, что «длительность – определяющий предикат наличествования, устойчивого пребывания, присутствия» [14]. По его мнению, события виртуальной реальности характеризуются некоторым частичным, или «недовоплощенным», существованием, недостатком, отсутствием тех или иных существенных черт явлений обычной эмпирической реальности: «Им присуще неполное существование, не достигающее устойчивого наличия и присутствия» [15]. При этом С.С. Хоружий отмечает, что в виртуальном событии «темпоральность конституируется как “уб-время”, или “недо-время”, в котором отсутствуют либо какие-то из первичных элементов сознания времени, либо какие-то из моментов акта связывания этих элементов в непрерывную длительность (либо и то, и другое)» [16].

Весьма значимым для нас представляется тот факт, что события виртуальной реальности не имеют четкой оформленности. По выражению С.С. Хоружего, у них просто «не было времени сформироваться». События не могут быть связанными с формой лишь в том случае, если они не имеют длительности. В противном случае у них неизбежно возникают и форма, и другие элементы действительной реальности. Под выражением «события не имеют длительности» понимается то, что они имеют бесконечно малую длительность, т.е. являются моментальными, совершаются в миг, в промежуток времени бесконечно краткой протяженности, несоизмеримой с обычной, конечной протяженностью, какой обладает любой интервал на оси реального времени. Бесконечно малые промежутки времени виртуального события не сливаются друг с другом, не включаются во временной порядок обычно длящегося времени, порождая совокупность несвязанных и непротяженных временных элементов, образуют новый тип временного порядка. Обнаружение феномена событий, не имеющих длительности, а характеризующихся лишь определенной энергией, влечет за собой постановку вопроса о взаимосвязи и соотношении времени и энергии и открывает в философии факт нового дискурса. Вместе с тем в философии такие явления уже были описаны. Так, С.С. Хоружий замечает, что ближе всего к его концепции идеи позднего М. Хайдеггера, который в работе «Время и бытие» указывает на события, лишённые длительности устойчивого пребывания.

Действительно, описание событий, лишённых оформленности и длительности, можно найти в трудах позднего М. Хайдеггера, а именно, в работе «Время и бытие». Однако понимание новых интенций его фундаментальной онтологии является задачей весьма непростой, отягощенной своеобразием хайдеггерских текстов, где присутствует

особое внимание к языку, когда мыслитель, подчеркивая многозначность слов, обращается к их скрытому смыслу, что неизбежно порождает трудности перевода его работ на русский язык. Относительно сущности времени М. Хайдеггер заявляет: «Собственно время есть единящая троякий просвет его протяжения близость присутствования из настоящего, осуществившегося и будущего» [17]. Здесь важно отметить, что для М. Хайдеггера человеческое существование – это своего рода «место», где бытие раскрывает себя сущему. Однако здесь не имеется в виду какое-либо положение в пространстве, а полагается экзистенция человека вне себя, открытость его бытия.

В первую очередь М. Хайдеггер предполагает мыслить бытие человека как некоторое присутствие (Dasein). В своей временности Dasein, раскрывая себя из будущего, обнаруживает свое прошлое, получает актуализацию в настоящем. Осуществившееся, настоящее и наступающее будущее не образуют последовательность, а сосуществуют только «одновременно», составляют три измерения времени: «Единство трех измерений покоится на игре каждого в пользу другого. Эта взаимная игра, оказывается особенным, в собственном времени разыгрывающимся протяжением, т.е. как бы четвертым измерением – не только “как бы”, но и по сути дела» [18]. Время позволяет человеку присутствовать и играть некую роль в бытии, при этом оно в виде сущего наличествует само по себе независимо от индивида. М. Хайдеггер подчеркивает, что именно время позволяет человеку прикоснуться к некоторой части данного бытия через присутствие. И наоборот, если исключить время, то исключается и присутствие, т.е. возможность человека участвовать в бытии. Общая тематическая линия работы «Время и бытие» приводит к времени как трансцендентальному условию раскрытия бытия как такового.

Для дальнейшего прояснения феномена виртуальной реальности обратимся к творчеству Ж. Деррида, который в своих работах часто апеллирует к М. Хайдеггеру. В концептуальном пространстве философии постмодерна конституируется понятие «метафизика отсутствия», которое фиксирует парадигмальную установку отказа от интерпретации бытия в качестве наличного с ориентацией на представление его как нефинальной процессуальности, что приводит к переоткрытию времени. Ж. Деррида подчеркивает, что привилегированное положение настоящего момента времени и исключительная роль сознания в обеспечении присутствия мира – два основных тезиса, на которых базируется метафизика присутствия. Своей задачей Ж. Деррида считает де-

конструкцию этих тезисов. Он полагает, что концепция времени М. Хайдеггера сохраняет в себе все основные противоречия, существующие в западной философии и зафиксированные еще Аристотелем. Как замечает Ж. Деррида, Аристотель пытается ответить на два вопроса: о принадлежности времени к бытию и о природе времени. По мнению Ж. Деррида, оба вопроса не имеют однозначных ответов и даже являются неразрешимыми апориями. Что касается принадлежности времени к бытию: то, что является бытием, есть и не может не быть, а текущее и изменяющееся время представляет собой сочетание бытия и небытия. В этом плане вполне ясна и логична позиция элеатов, устранивших из картины мира всякое изменение, в том числе и время. Далее Ж. Деррида замечает, что Аристотель трактует вопрос о природе времени как вопрос о том, из чего состоит время и полагает, что время складывается из моментов «теперь». Однако «теперь» нельзя обособить как чистое мгновение, точку в непрерывности, т.е. поток времени невозможно разбить на участки, которые существовали бы сами по себе [19].

Ж. Деррида радикализирует хайдеггеровскую позицию: если М. Хайдеггер интерпретирует время как существенную характеристику бытия-присутствия *Dasein*, то Ж. Деррида определяет разворачивающееся время как присущее только *Dasein*. Однако в результате такой радикализации *Dasein* утрачивает контакт с бытием, т.е. мыслитель отстраняет мир человеческого существования от вневременного вечного мира бытия. В противовес этому Ж. Деррида в своем философском анализе с самого начала отказывается от поиска контакта имманентного сознания и трансцендентного мира бытия, предметом исследования для него становится мир *différance* (мир человеческого существования). Вместо понятия «различие» (*différence*), используемого в семиотике, Ж. Деррида вводит новое понятие – «различение» (*differance*), которое в соответствии с двойственным значением во французском языке глагола *differer* – «различать» и «отсрочивать» – несет смысловой оттенок процессуальности, разделения во времени, отсрочивания в будущее. Ж. Деррида уточняет, что «различение» по сравнению с «различием» обладает процессуальным характером и является «систематическим порождением различий».

В своей работе «Диссеминация» Ж. Деррида подчеркивает, что «различение», являясь процессом дифференциации, дает возможность учитывать характер различных модусов конфликтности, противоречий [20]. Другими словами, «различение» позволяет противоположностям одновременно сосуществовать в рамках процесса дифференциации. Процесс различения Ж. Деррида прослеживает в отношении знака

и обозначаемого им явления, которые оказываются разделенными временным интервалом. Мыслитель замечает, что и по истечении времени, в ходе применения знака в языке теряется связь с «происхождением», т.е. с обозначаемым референтом. В итоге знак уже указывает не столько на явление (предмет), сколько на его отсутствие и превращается в след. След становится пространственно-временной закрепленностью различения. След не является знаком, отсылающим к чему-то предшествующему, т.е. он не определяется по отношению к нему ничем внешним, а обуславливается только своим собственным становлением.

Так, след выступает как наличествующий знак той вещи, которая отсутствует. След является не самим присутствием, а его симулякром, имеющим способность распадаться, перемещаться. С точки зрения Ж. Деррида, любая наличествующая вещь несет след отсутствующего, которое конституирует бытие наличествующее. «Присутствие» у Ж. Деррида изначально оказывается инфицированным различием (*differance*), и необходимым условием его существования оказывается наличие его дубликации. Наличие присутствия и следа обуславливает трансгрессию. Понятие «трансгрессия» в постмодернизме фиксирует феномен перехода некоторой границы, по выражению М. Бланшо – «преодоление непреодолимого предела». Сущностью трансгрессивного акта являются нарушение линейности процесса и переход бытия в новое и непредсказуемое состояние.

В своих работах Ж. Деррида выделяет культурную матрицу оппозиций: бытие – небытие, вещь – знак, присутствие – отсутствие, означаемое – означающее, реальность – образ. Установка Ж. Деррида состоит не столько во взаимном отрицании таких полярностей, сколько в утверждении факта невозможности их существования друг без друга, в утверждении факта взаимодействия как принципа бесконечной игры. Однако уже в такой постановке вопроса, как единодушно замечают исследователи творчества Ж. Деррида – Дж. Каллер [21], В. Лейч [22], Ж.И. Тадве [23], Дж. Эткинс [24], осуществляется полная перемена мест логоцентрических полярностей путем явного предпочтения второго ряда членов оппозиции как иерархически более значимого для него. Так, Ж. Деррида полагает, что разделение бытия на «присутствие» и «отсутствие» предваряется, в свою очередь, возможностью игры. Ускользающая игра следов оказывается необходимой составляющей мира *differance*, поскольку появляется раньше всего в мире человеческого присутствия: «Игра всегда есть игра отсутствия и присутствия, но если осмыслить ее радикально, игра должна предварять альтернативу присутст-

вия и отсутствия. Бытие должно быть постигнуто как присутствие или отсутствие на основании возможности игры, а не как-либо иначе» [25].

В концепции Ж. Деррида след представлен как знак, значимый не сам по себе, а только как референт другого знака, который он обозначает и замещает. След выступает в качестве альтернативы присутствию и ускользает от любой презентации, «различается, сплетается из различных, каким-то образом дает о себе знать, как бы испускает нечто такое, что его представляет или замещает» [26]. След не имеет собственного места по причине принадлежности его к структуре истирания, которая превращает его во что-то выходящее за пределы его самого. Истирание, как уточняет Ж. Деррида, «всегда должно быть способным овладеть следом; в противном случае это будет уже не след, а неуничтожимая, монументальная субстанция» [27]. След оказывается тем, что «непоправимо утрачивается, но в самой своей утрате укрывается, сохраняется, принимается во внимание и задерживается вне формы присутствия» [28]. Понятие «след» оказывается неразрывно связанным с феноменом переоткрытия времени. След утверждает темпоральность, где настоящее уже не мыслится как последняя инстанция, где учитывается «прошлое», которое никогда не существовало и никогда уже не станет настоящим, и «будущее», которое никогда не будет реализовано и репродуцировано в форме настоящего. В способности следа заменять предшествующие следы заключается возможность одновременного трансцендентального и имманентного синтеза времени: моменты «теперь» складываются в линию времени, но не представляют собой нескончаемое повторение, ибо не просто сменяют, а обуславливают друг друга.

Основная идея времени у Ж. Деррида выражается в том, что все в человеческом мире присутствия происходит в рамках горизонтов сигнификации. Время представляется как имя, которое принадлежит замещению моментов «теперь» в игре *differance*, движение времени представляется в этой игре, а экспериментальным коррелятом времени являются те значения, которые пронизывают его. Мир человеческого присутствия имеет смысл, и временной ритм полагается как *differance*, непрекращающееся смыслоозначение.

Характеристики мира *differance*, представленные Ж. Деррида, во многом схожи со сферой виртуального многообразия, описанной Ж. Делезом, в чьей концепции след становится симулякрот присутствия, призраком, иллюзией, не имеющей права претендовать на истинную репрезентацию. Истирание временем следов бытия, точнее, ход времени, выраженный в процедуре вытеснения, как бы удерживает

эти следы, фиксируя их в пространстве виртуальной реальности. Ж. Делез берет за основу утверждение, что противопоставление копии оригиналу больше не имеет смысла, поскольку понятие подлинности утрачивается в головокружительной бездне симулякров. По мнению Ж. Делеза, симулякр как образ, лишенный подобия, живущий различием, проявляет свою сущность в вечном изменении, обретая при этом особую жизненную силу.

Не менее интересна трактовка рассматриваемого феномена Ж. Бодрийера. Считая утопичным основной принцип репрезентации, утверждающий эквивалентность знака и реальности, Ж. Бодрийер полагает, что симулякр не соотносится ни с какой другой реальностью кроме своей собственной. Если функция знака заключается в отображении действительности, символа в ее представлении, то симулякр появляется там, где заканчивается подобие, и искать в этой связи какое-либо соответствие реальности не имеет смысла. Так, в произведении «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийер констатирует, что граница между реальностью и ее подобием окончательно стерлась и они вместе рухнули в пропасть вселенского симулякра [29].

Понятие «симулякр» существовало еще в античности, но развитие, дефиницию, описание внутренней структуры, систематическое место в ряду других понятий получает в трудах Ж. Бодрийера. Он выделяет четыре последовательные стадии развития образа: на первой ступени образ отражает основу подлинной реальности, на второй – уже скрывает и извращает эту основу, на третьей – маскирует отсутствие подлинной реальности, на четвертой – вообще не имеет никакого отношения к какой-либо реальности, это симулякр, чистая видимость, подобие самого себя. Виртуальными считаются третья и четвертая ступени, где образы замкнуты сами на себе и функционируют самостоятельно, лавинообразно множатся, становятся более реальными, чем сама действительность. Ж. Бодрийер неоднократно подчеркивает, что: «симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, это истина, скрывающаяся, что ее нет» [30]. При тотальной симуляции реальность переходит в состояние «послежития», которым питается иллюзия подобия. На стадии симуляции реальные образцы отброшены в прошлое «утерянных и никогда не бывших объектов» и фактически потеряны. Мало того, наблюдаются бесконечные опережение и порождение горизонта уже мертвого порядка явлений.

Таким образом, методологической основой раскрытия сущности виртуальной реальности в рамках парадигмы постмодерна становятся

концепция темпоральности мира *differance* и теория симулякров. Поскольку именно такое представление времени и мира соотносится с виртуальной реальностью, которая является ускользающим от окончательного оформления исчезающим существованием, не поддававшимся описанию в классической и неклассической философии. Постмодернизм, обращающий философскую рефлексию к сфере нефинального становления и смыслозначения, дает необходимый категориальный аппарат, позволяющий анализировать виртуальную реальность как особый горизонт бытия. Отметим, что прообразом постмодернистского представления реальности можно считать онтико-онтологическое различие, введенное М. Хайдеггером. Мыслитель замечает, что реально существующее, фиксируемое в мире присутствия, рассматривается в фундаментальной онтологии лишь как некоторое проявление бытия, в терминологии М. Хайдеггера – *Seiend*. Бытие само по себе, которое М. Хайдеггер обозначает термином «*Sein*», имеет неуловимый, ускользающий характер [31]. Ориентация философского дискурса постмодерна на бытие-становление, внимание к явлениям, имеющим нефинальную процессуальность, максимально приближают его к постнеклассической философии и виртуальным феноменам.

В рамках становления постнеклассического типа научной рациональности также происходит переоткрытие времени. Сегодня все больше исследователей отмечают, что путь к адекватному описанию систем биологического, информационного и социально-экономического плана лежит через построение теории процессов с памятью (ее еще называют теорией немарковских процессов). Марковские процессы представляют собой случайные процессы, для которых при известном состоянии системы в настоящий момент времени дальнейшая эволюция не зависит от состояния этой системы в прошлом [32]. В конце XX в. выявляются значительные расхождения с марковской картиной мира, открывается сфера явлений, где роль памяти весьма велика. Формирующаяся теория процессов с памятью включает в себя марковскую теорию как частный случай. Немарковские процессы учитывают память о прошлом, они по своей природе нелокальны во времени, для них вероятностная картина поведения системы определяется не только начальным моментом времени, но и тем, что было до него. Интегрирование прошлого, осуществляемое в немарковских уравнениях, приводит к представлению о разнонаправленности времени.

Память о прошлом по своей сути представляет собой информацию, которая имманентно присуща немарковским процессам. Системы

с памятью имеют способность к саморазвитию, так как наблюдается возникновение фактора воздействия, обусловленного прошлым, который может доминировать над диссипацией структур. Поскольку в создании временной упорядоченности виртуальной реальности имеют огромное значение образы прошлого, постольку ее также можно рассматривать с этих позиций [33]. Так, Л.А. Шелепин указывает на то, что интегрирование по прошлому в немарковских уравнениях приводит к представлению о множественности миров, а виртуальная реальность полагается как предельный случай реализации этих уравнений, когда прошлое в системе отлично от нуля, а настоящее отсутствует либо внешне заменяется другим. Виртуальная реальность выступает как особый иной мир, включенный в настоящее и способный жить «самостоятельной жизнью» в качестве «отпечатка» [34]. Действительно, виртуальная реальность формируется вовлечением во временной поток прошлого, поэтому виртуальные объекты, существуя в настоящем, превосходят его в абсолютной памяти. Однако такой синтез времени содержит недостаточность основания, поэтому виртуальная реальность предстает как нехватка реальности и «недород бытия». Нелинейный подход к пониманию времени определяет виртуальное как необходимый элемент реальности, виртуальное предстает как дополнительное измерение, всегда сосуществующее с реальными объектами.

Примечания

1. См.: *Бруно Д.* Диалоги / Под ред. М.А. Дынный. – М.: Госполитиздат, 1949. – С. 353.
2. *Декарт Р.* Начала философии // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 2. – С. 451.
3. *Спиноза Б.* Этика / Пер. с лат. Я.М. Боровского, Н.А. Иванцова. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 312.
4. См.: *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии / Пер. с лат. А.Н. Крылова. М: Наука, 1989. – С. 32.
5. *Аристотель.* Физика / Пер. В.П. Карпова // Философы Греции. Основы основ: логика, физика, этика. – URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/physic.txt> (дата обращения: 10.10.2010).
6. Там же.
7. *Leibniz G.W.* Hauptschriften zur Grundlegung der Philosophie. – F.-Meiner, 1966.
8. См.: *Аскин Я.Ф.* Проблема времени. Ее философское истолкование. – М., 1966.
9. См.: *Мостепаненко А.М.* Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. – Л., 1969. – 230 с.
10. См.: *Свидерский В.И.* Пространство и время. – М., 1958. – 200 с.
11. См.: *Штейнман Р.Я.* Пространство и время. – М., 1962. – 240 с.
12. См.: *Урманцев Ю.А., Трусов Ю.П.* О свойствах времени // Вопросы философии. – 1961. – № 5. – С. 58–70.

13. См.: *Хоружий С.С.* Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 53–68.
14. Там же. – С. 53.
15. Там же. – С. 54.
16. Там же. – С. 55.
17. *Хайдеггер М.* Время и бытие. – URL: <http://ihtik.lib.ru> (дата обращения 10.10.2010).
18. Там же.
19. *Derrida J.* Ousia et gramme // *Derrida J. Marges de la philosophie.* – P., 1972. – P.40.
20. См.: *Деррида Ж.* Диссеминация / Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С. 403.
21. См.: *Culler J.* On deconstruction: Theory and criticism after structuralism. – L., 1983.
22. См.: *Leitch V.* Deconstructive criticism: An advanced introd. – L., 1983. – 290 p.
23. См.: *Tadie J.Y.* La critique litteraire au XXe siècle. – P., 1987. – 318 p.
24. См.: *Atkins G.D.* The sign as a structure of difference: Derridean deconstruction and some of its implication // *Semiotic themes.* – P., 1981. – P. 33–147.
25. *Derrida J.* Structure, sign and play in the discourse of the human sciences // *Writing and Différance.* – L., 1978. – P. 280–281.
26. *Деррида Ж.* Différance // *Тексты деконструкции.* – Томск: Водолей, 1999. – С. 124–158.
27. Там же. – С. 153.
28. Там же. – С. 154.
29. См.: *Baudrillard J.* L'echange symbolique et la mort. – P., 1976. – 347 p.
30. *Baudrillard J.* Simulacres et simulation. – P., 1981. – P. 9.
31. См.: *Heidegger M.* Sein und Zeit. – F./am-M., 1977. – В. II. – 343 p.
32. См.: *Morimoto T.* Markov processes and the H-theorem // *J. Phys. Soc. Jap.* – 1963. – No. 12. – С. 328–331; *Дынкин Е.Б.* Марковские процессы. – М., 1963. – 860 с.
33. См.: *Аэроянц Э.А., Харитонов А.С., Шелетин Л.А.* Немарковские процессы как новая парадигма // *Вопросы философии.* – 1999. – № 7. – С. 94–104.
34. См.: *Шелетин Л.А.* Виртуальный мир как реализация немарковских процессов // *Концепция виртуальных миров и научное познание.* – СПб., 2000. – С. 154–170.

Дата поступления 19.10.2010 г.
ГОУ ВПО «Стерлитамакская
государственная педагогическая
академия им. Зайнаб Бишшевой»,
г. Стерлитамак
elhova@pochta.ru

***Elkhova, O.I.* Ontology of virtual time**

In the paper, virtual time is considered as an order and measure of the existence of virtual reality. The author emphasizes that virtual events appear to lack duration and virtual reality is treated as] a disappearing existence which escapes taking final shape. Temporality of virtual reality turns out similar to temporality of *differance* world described by post-modernist philosophy. The relevance of images of the past in developing temporal order of virtual reality makes possible to consider it as a realization of non-Markov processes.

Keywords: virtual reality, ontology, time of virtual reality, post-modernist philosophy, post-non-classical scientific rationality, non-Markov processes